

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Г. Чернышов

Центр - провинция
в региональном самосознании

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1999_3_Chernyshov.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

ЦЕНТР — ПРОВИНЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ

А.Г. Чернышов

Современный политический процесс в России со всей очевидностью ставит на повестку дня необходимость более детального исследования вопросов формирования регионального самосознания, региональной идентичности. Становление областей и автономий РФ в качестве ее субъектов, структурирование политической жизни регионов требуют фиксировать реальные, а не мнимые тенденции этого процесса.

Как известно, под регионом (регионами) в настоящее время у нас понимается преимущественно провинция — в том своем качестве, в каком она отличается от столицы. Причем это понятие в значительной степени политизировано и идеологизировано, поскольку нет четко осознанного и сугубо положительного опыта функционирования межрегиональных связей в современных условиях. К тому же зачастую понятие “провинция” приобретает негативные коннотации, связанные с некими явлениями отсталости, “местечковости”, патриархальности.

Почему? Как представляется, во многом потому, что столичный политический бомонд в чем-то сознательно (а в чем-то по уже укоренившейся традиции) тиражирует культ превосходства процессов, происходящих в Центре, над региональными. Заведомо выстраивается упрощенная и односторонняя логика анализа, а значит, искажается картина построения общественных систем как сложного, многофакторного и многофункционального механизма.

Однако “столичное” понимание современных процессов развития федеративных отношений в России нередко остается исключительно в Москве, не выходя даже за пределы ее Садового кольца. В регионах же культивируется все более выраженное “консервативное” начало, суть которого состоит лишь в том, чтобы противостоять “экспансии из Центра”. Более того, в силу целого ряда обстоятельств специфика нынешнего момента состоит как раз в том, что водораздел между самосознанием столичным и самосознанием региональным становится все ощутимее. И регионы, подобно телам в расширяющейся Вселенной, убегают от своего ядра (Центра). Причем порой не по своей воле, а по принуждению, потому что их просто выталкивают “на орбиту” и заставляют двигаться, удаляясь от сердцевины.

Между тем это только одна сторона проблемы. Есть и другая. Отношения Федерация (Центр) — регион (часть Федерации) зачастую осознаются как отношения Москвы и регионального центра, которые пока еще не столь пугающие и вызывающие далеки друг от друга. Но разрыв между столицей и “окраинными” территориями конкретного региона (района, села, деревни) заметен уже со всей четкостью, приобретая остроту и драматичность. В силу особенностей современного развития именно региональный центр становится во многих случаях последней инстанцией и в плане получения инвестиций из Центра, и с точки зрения внедрения новых технологий самого различного свойства.

Все это (доходящее лишь своей небольшой частью до региона из столицы) оседает в городе, а в “нижних” слоях означенной территории как бы консервируется — уже действительно во многом искусственно — патриархальность. При этом возникают не просто федеральная и региональная составляющие. Их дополняет еще один, самый “нижний” этаж (Рис. 1).

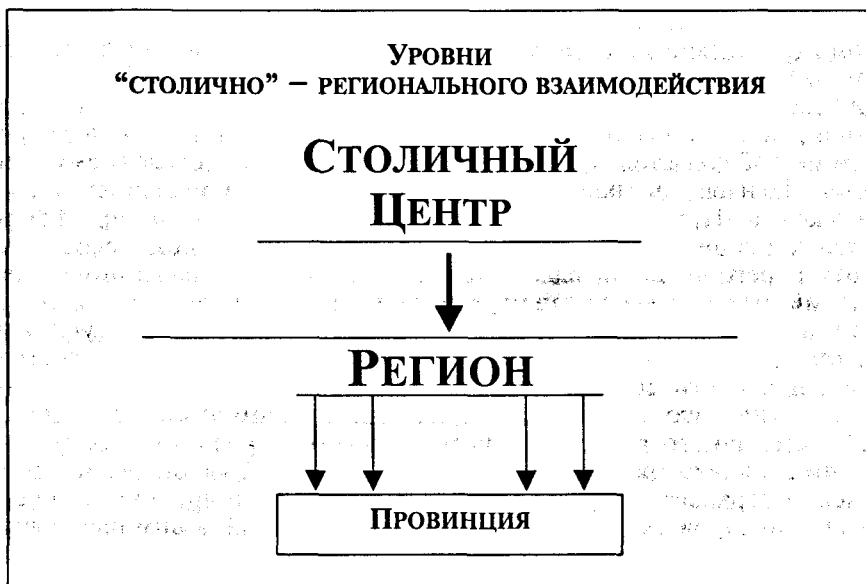

Рис. 1

Иными словами, мы получаем три уровня: *федеральный* (Центр – столица), *региональный* (центральный город региона) и *провинциальный* (так назовем в данном случае все, что остается в регионе за рамками названного выше). Если это действительно так, то встает вопрос: а что же, собственно говоря, представляет собой региональное самосознание? И можно ли вообще говорить о каком-то единстве регионального социума? К тому же возникает насущная потребность разобраться со статусным положением центрального города региона и других городов, входящих в общерегиональное поле (Рис. 2).

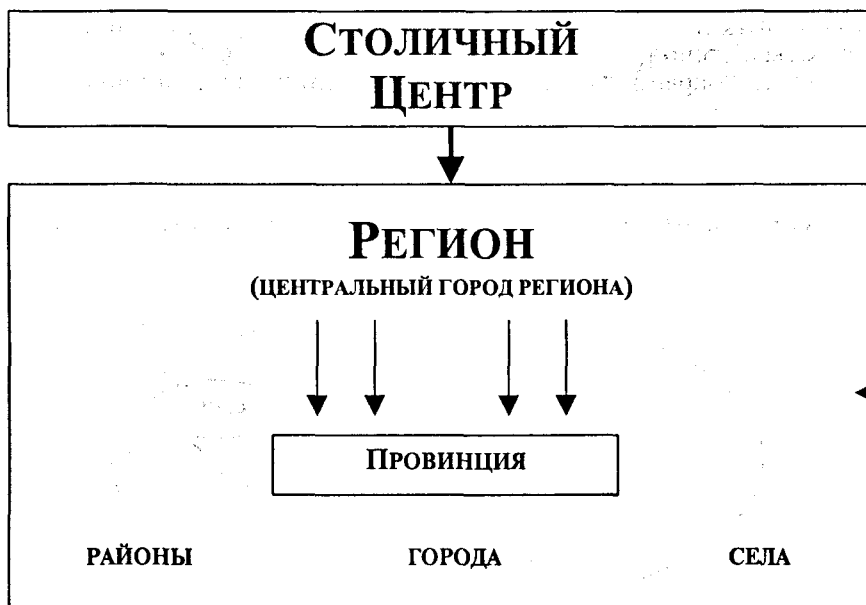

Рис. 2

Как же в таком случае строятся отношения внутри самого региона и как потом они (раздельно или вместе) переносятся на конструирование связей со столичным Центром?

Если “убегает” регион-город, то части регионального целого (регион-город + провинция) должны были бы двигаться от Центра с синхронной скоростью. Но этого не наблюдается. Прежде всего – благодаря определенному влиянию столичного Центра, пытающегося держать именно региональный центр в зоне притяжения. При этом Центр все более отстраненно и индифферентно относится к процессам, происходящим в “провинциальном” слое, оставляя их на откуп региональной власти. С точки зрения формального разделения полномочий между федеральным и региональным уровнями, такой подход выглядит вполне естественным и логичным. Однако, помимо сугубо правовых отношений, важно учитывать изменения традиционных представлений, культурно-психологические факторы и т.д.

При условии, что существует естественное взаимопроникновение в социуме, от столичного города до самого далекого “провинциального слоя”, в этой вертикали региональный город-центр должен был бы не представлять собой некий “транзитный” пункт, являющийся только временным посредником, а аккумулировать, синтезировать разные, порой взаимоисключающие, потоки и уровни влияния. Тогда можно было бы говорить о том, что именно регион становится главным балансиром в период социально-политических перемен. Однако сегодня наблюдается другое: регион не представляет собой единого целого, провинция “удаляется” от своего главного регионального города в некотором смысле еще быстрее, чем регион – от столицы. Что же тогда говорить о том водоразделе, который образуется между столичным и провинциальными уровнями?

Не случайно и то, что именно со столичного уровня начали свое шествие так наз. новые выборные технологии, применение которых свидетельствует об исчерпываемости принципа убеждения и кропотливой работы по увязыванию разноуровневых составляющих между собой. Обозначился в большинстве своем переход на путь “продавливания” определенных авторитарных схем, выстраивания региональными лидерами “под себя” нужных им структур. Разумеется, это порождает и обратный процесс, при котором провинция уже не просто сопротивляется воздействию “сверху”, а в прямом смысле начинает отгораживаться стеной, чуть ли не “железным занавесом”, пытаясь жить своей замкнутой, “окраинной” жизнью, ибо столичность, столичный уровень для нее оказываются чуждыми и слишком далекими от понимания.

Второй сюжет, который необходимо рассмотреть, связан с горизонтальной составляющей регионального взаимодействия. Если считать понятие “регион” более или менее тождественным понятию “субъект Федерации”, то важно оценить межрегиональные связи на макро(супер)региональном уровне (Рис.3).

“Суперрегиональные связи”

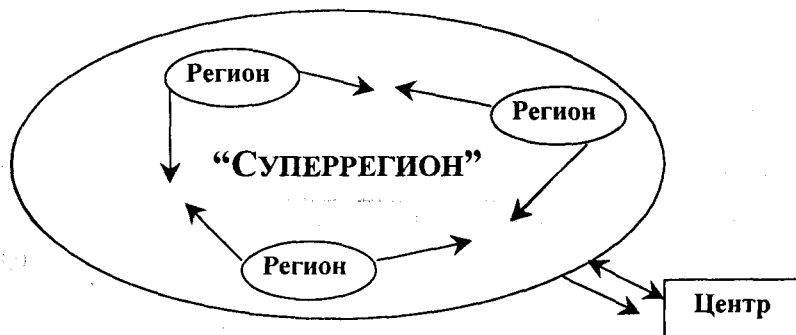

Рис. 3

Для того чтобы понять специфику суперрегионального самосознания, которое как бы выходит за рамки юридически закреплённых административных границ и ищет новые точки своего обоснования, необходимо определить сущность целостности региона как такового. Задача эта далеко не так проста, как кажется на первый взгляд. Ибо основные элементы региональной структуры (может быть, и всего регионального миропорядка) складываются отнюдь не из социально-политических организаций областей и автономий как субъектов Федерации (или, по крайней мере, не только из этого), а из явлений их непохожести друг на друга, из различий их реального политического статуса, экономических возможностей и даже из различного рейтинга руководителей (президентов и глав администраций). Парадокс ведь и состоит в том, что регионы, сочтённые равными как субъекты государства, оказываются весьма различными по многим своим сущностным характеристикам.

“Продвинутые” регионы, с большими возможностями и некоторым достатком, значительно ближе к столичной жизни, к столичности, чем слабые регионы. Для последних вся близость к Центру определяется, пожалуй, частотой посещения Москвы конкретным руководителем данного административно-территориального образования для “решения вопросов”.

В экономически неразвитом обществе дистанция между его элементами, их положение в социальной структуре обусловлены не столько их качественным своеобразием, оригинальностью форм социальной и культурной жизни, сколько отставанием одних из этих элементов от других. Развитие таких общественных систем напоминает игру в “догонялки”, когда аутсайдеры, или маргиналы, стремятся приблизиться к лидерам. При этом сама степень отставания одних регионов от других определяется нередко чисто субъективными причинами (политическим статусом и рейтингом лидера, его близостью к держателям федеральных ресурсов и т.д.).

Основу региональной политической структуры в РФ составляют самые различные факторы, многие из которых связаны с несовершенством федеративных отношений, с почти тотальным влиянием в органах власти групп давления отраслевого и регионального характера, с непропорциональным финансированием различных земель из федерального бюджета, с неодинаковыми статусами местной номенклатуры (Рис. 4).

“Межрегиональные связи”

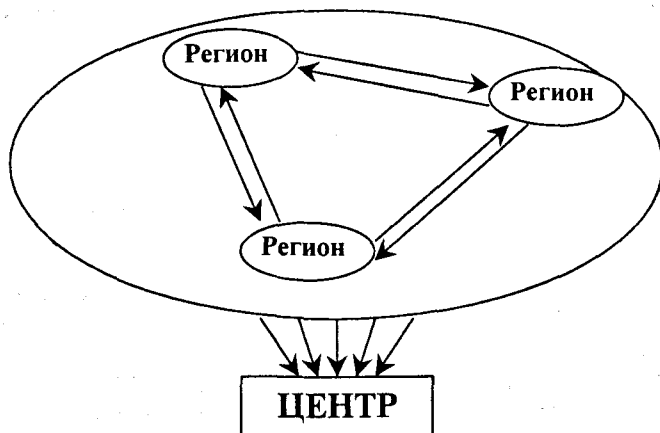

Рис. 4

И все-таки, при всей непохожести регионов друг на друга, есть определенная общность интересов, которая заставляет их объединяться по горизонтальным линиям. Другое дело, что осознание своей общности именно на этом, региональном, уровне слишком тяжело дается их элитам и лидерам. Они все время сбиваются на простую и довольно хорошо опробованную в России за долгие десятилетия линию: Москва — столица, регион — периферия, и в этом смысле вертикали управления отдается очевидный приоритет. В Москве — деньги, власть и другие возможности. Реальное объединение регионов зачастую происходит поэтому лишь тогда, когда нужно надавить на Центр, чтобы заставить его поделиться частью власти и сделать какие-то другие уступки “местам”.

В этом смысле действия федеральных и региональных органов власти диктуются не политикой как таковой, а политиканством; централизация и децентрализация власти рассматриваются лишь как инструменты закрепления непререкаемых субъективных авторитарных начал. И демократия, в т.ч. и сама выборная процедура, становится игрушкой; в лучшем случае — слоганом в устах власти, объектом поношения со стороны большинства отчуждаемых от этой власти граждан.

В таких условиях формирование регионального самосознания граждан России постоянно наталкивается на искусственные границы, выстраиваемые на различном уровне и на основе разной идеологической направленности. Вне зависимости от конкретной ситуации это ведет к довольно абстрактному и искаженному пониманию общественных процессов.